

ТВОРЕЦ И ТВОРЕНИЕ: (МОНО)ТЕИСТИЧЕСКИЕ ФОНДЫ И ФИЛОСОФСКИЕ ФРОНДЫ

Костенич Владимир Анатольевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье разбираются основополагающие религиозные версии и метафизические истолкования диалога Творца и Творения, соположения трансцендентного и имманентного, их мировоззренческие последствия и бытийные рекогносцировки.

Религиозное мировоззрение содержит в себе некое (изначальное) вопрошание о том, в каких (заведомо гипотетических) отношениях Творец (возможно) находится со своим Творением. Ответы на подобное суетное любопытство задают версии моногамной или мультиверсной вселенной Сущего; характеристику определенных «экзистенциальных уз» между основными актёрами бытийных мизансцен; кодифицируют аксиологические «символы веры», а также иконографику боговоплощений, их притчевые глоссарии и... симулякры. К числу ротируемых религиозных трактовок коммуникаций Бога и «града земного» принято относить деизм, пантеизм и теизм.

Деистическая парадигма исходит из предположения, что в процессе своего вечного существования Бог столь же вечно творит бесконечное «множество Миров», среди которых «мир, объективированный в Истории Человечества», оказывается одним из «рядовых проектов», отпущенных Творцом во «временность свободы произвола». Оставаясь в своей трансцендентной потусторонности и (этической) безучастности Абсолютное Первоначало (как некий мистически сложный Разум) не только изобильно генерирует своё «художественное воображение», но и выступает в качестве эстета «искусства ради искусства», предаваясь театральному лицемерию N-множества «проб бытийного разнообразия» и их самостийных нарративов.

Фактически, деистическая установка десакрализует архетипы ада и рая, как божественные вердикты Страшного Суда, трансформируя их в метафоры человеческих сигнификаций собственного пребывания в горниле (искусно и искусственно) табуированных условностей. Одновременно и искупительные страдания Богочеловека утрачивают здесь свою историческую необходимость, ибо аксиоматически дезавуируется сама «греховность», как (эпи)феномен религиозно инкриминированных деформаций поведенческого праксиса. По умолчанию, Бог не является в деизме моральным Абсолютом, персональной инстанцией системы деонтологических координат. Область «этического» перестаёт задавать пропедевтику должного, лишается привилегии фундирующего прасмысла.

Тогда в чём же заключается «религиозная контрибуция» деистического дискурса? В (бескорыстной) экзистенциальной благодарности Творцу за наш «артефакт бытийной рождённости»; за саму возможность «присутствия»; за благодать (рискованной) свободы прочерчивать нашим существованием свои личные опусы бытия; за катарсис безнадежной надежды «уповать вопреки». Как это не парадоксально прозвучит, но именно в деистическом антураже молитвословие (максимально) со-

ответствует каноническим критериям «гимнософии Творцу», лишённой прагматических интенций. *Бог – (всего лишь) родина всего Сущего, и Он вне казуистики (человеческих) обид и подозрений.* Вера обретает черты индивидуальной религиозности, становится разновидностью философского беквокала. Творец занят творчеством, но изымает себя из «личных» отношений со своими Творениями...

Пантеистическая матрица понимания Сущего решительно (от)меняет деистическую оптику и исходит из мировоззренческого домысла, согласно которому *Творец полностью и без остатка транспонирует себя в собственное Творение.* При этом «наше Творение» провозглашается уникальным, однократным и неповторимым. Его «временное однажды» рассматривается в качестве *сингулярной точки Истории,* когда трансцендентный Сущий «впервые и надолго» воплотил себя в сотворённом, как бы «пожертвовав» своей бессмертной вечностью ради бытия Иного. В силу этого «абсолютного обстоятельства» *всё Сущее* и возможное оказываются пронизанными генетикой божьего присутствия, становятся Его «дублирующими репликами», наделяются смыслонесущими логосами. В том числе и... зло. Как отмечает диакон Андрей Кураев, «Исповедание тотальной целостности мира, запрет на различение Бога и мира неизбежно сакрализует наличную мировую данность и то зло, что присутствует и действует в ней. Всё что есть в мире – всё свято. Всё – Бог. Всё – благо. Зла – нет. Различение добра и зла оказывается иллюзией неопытных сознаний» [1 с. 199].

Голгофа жертвенности Творца, с одной стороны, философски рекапитулирует к событию Творения, а «*библейская Голгофа*» *перестаёт играть свою этическую мироточивость* и попросту аннулируется из бытийного реестра. Как и в деизме, *Личные отношения с Творцом обретают форматы экальтивированной чувственности и индивидуального диалога,* где «страх и (эротический) трепет» возглавляют список аксиологических предпочтений, а все церковвизации (божественных) Ликов воспринимаются без должного энтузиазма. «Естественное» обожествляется как преломление Творца, задающее свои мирские «калтари» Его замыслов. «Сверхъестественное» же (на некое неопределённое историческое время) смиренно уходит с авансены бытийных апостериори. В философской проекции «акт Творения» видится не в его вечном становлении, а в виде критического эксперимента Творца со своим бессмертием, нуждающимся в автореферентной идентификации собственной абсолютности с «относительностью Смерти», как испытательным полигоном на безусловность.

С другой стороны, у (пантеистически интерпретируемого) Творения есть Начало (во Времени), но его эсхатологическая перспектива представляется синергетически открытой и не предустановленной. *Теодицея богооправдания мимикрирует в антроподицею человеческой полифоничности.* Отныне *каждый (рядовой) Человек (а не только Богочеловек) мыслится совокупной исторической «проекцией Творца».* Для того, чтобы Бог вернул себе вневременную трансцендентность, латентно полагает пантеизм, Человек должен культивировать... гордыню посюстороннего самомнения в своём «злодобрении» творческими объективациями. Твар(ь)ность зла в тварном бытии проистекает из миролюбий добра, мазохистски потакающих «ненасилием» провокациям «воли к нигилистической власти». Бог оказывается «смирненным ожиданием Бога» перед лицом «творческой эволюции» детективов энтропий несовершенства.

Наконец, *теистическая трактовка бытийных и смысловых субординаций Творца и Иного* постулирует, как и в пантеизме, «единственность Творения», но с деистической параллелью трансцендентной и пространственно-временной «внемирности» Абсолютной Личности. *Бог остаётся «потусторонним», но отказывается быть «посторонним» своему уникальному детищу.* Творение становится «местом встречи» Творца со своими творческими энергиями, обретающими причудливые диалектические бинарности самовыражения. Бог ни на мгновение «не безучастен» с сотворённому Сущему и апокалиптически пристрастен к его исторической Судьбе. В христианстве темпоральность бытия задана несколькими эпохальными (по)граничными событиями, а пространственная топология сосредотачивается в символикe приснопамятных мест и географических траекторий, задающих *богочеловеческие локализации Творца.*

Центральным местом-событием теистической версии христианства оказывается Голгофа, повествующая о крестных муках Абсолютного Первоначала, человекообразно искупающего (возможно свои) издержки Творения. Голгофа становится исповедью Бога по поводу «Ничто», как «материала Творения». Сотворённый мир нуждается в онтологическом вразумлении, посредством «этики искупления» и... сакральной жертвы Творца через «самоуничтожение». Бог являет своё не безразличие к греховным «вытворениям» *человеческой «ничтожности», засоряющим храмовые пространства бытия эхами матери Ничто* и (тем самым) дезавуирующими богоподобность Сущего. Бог уходит, чтобы остаться. *Свобода из ранга эдемского одолжения обретает статус авторского экзистенциала каждого и всех, наделяется императивом континуальной и неотчуждаемой ответственности.* Рождество и Воскресение интерпретируются как исторические «благие вести» *человекоразмерности Творца,* а Его милосердная «человечность» объявляется императивным образцом любой этической вменяемости. Голгофа превращается в герменевтическое априори теистического сознания. *После Голгофы наступает эпоха «заочных «теофаний»,* в процессе исторического развёртывания которых Творец репрезентирует себя человеку, в различного рода, «видениях и знамениях», выступающих символическими ино-сказаниями Его присутствия и предполагающими ответные усилия человеческого Разума по истинному прочтению этих теургических шифров.

Литература

1. Кураев, Андрей. Сатанизм для интеллигенции (о Рерихах и Православии) в двух томах. Т. 1. Религия без Бога. / Андрей Кураев. – М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. – 528 с.